

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РФ
РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРОЛОГИИ

НИКОЛАЙ НЕВСКИЙ: ЖИЗНЬ И НАСЛЕДИЕ

Сборник статей

Филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета
Санкт-Петербург
2013

ББК 81.2Яп+63.3(5Яп)
Н40

*Издание
выполнено при поддержке
Японского фонда*

JAPAN FOUNDATION
国際交流基金

Составление
и ответственное редактирование
Е. С. Бакшеев, В. В. Щепкин

Н40 Николай Невский: жизнь и наследие: сборник статей / сост. и отв. ред. Е. С. Бакшеев и В. В. Щепкин; Ин-т восточных рукописей РАН, Российский ин-т культурологии. — СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2013. — 292 с., ил.

ISBN 978-5-8465-1255-9

В сборник вошли статьи отечественных и зарубежных ученых, основанные на докладах, представленных в рамках «Невских чтений» — международного симпозиума в честь 120-летия со дня рождения выдающегося российского востоковеда Николая Александровича Невского (1892–1937). Проблематика статей определена разносторонним характером исследований, которым посвятил себя ученый: мифология, синто, айноведение, язык и культура Рюкю, тангутоведение и др.

ББК 81.2Яп+63.3(5Яп)

ISBN 978-5-8465-1255-9

© Институт восточных рукописей
Российской академии наук, 2013
© Российский институт культурологии
Министерства культуры РФ, 2013
© С. В. Лебединский, оформление, 2013

Л. М. Ермакова

О МОТИВЕ «НЫРЯЛЬЩИКА» В ЯПОНСКОЙ МИФОЛОГИИ

Японская мифология, как и всякая записанная мифологическая история, диффузна и многокомпонентна; особый исторический опыт и фантазия любого конкретного народа вписаны в общекультурную историю, где с самого начала возникновения человечества идет непрерывный обмен культурной информацией. Японские мифы тоже хранят следы многих влияний и рефлексы слоев, уже полустертых. Об этих влияниях и пересечениях существуют фундаментальные исследования японских ученых — Ообаяси Тарё, Ёсида Ацухико, Мацумото Нобухиро и других. Мы предполагаем здесь подробнее говорить о некоторых еще не раскрытых мифологических связях древности, уточнить скрытые космологические сюжеты, а также наметить новые типологические соответствия.

Речь пойдет об одном мифологическом мотиве, который широко представлен в мифах и сказках других народов, а в японских сводах предстает лишь как след утраченных космогонических представлений или как проявление культурных влияний и заимствований — такие мотивы С. Ю. Неклюдов называет результатом «компрессии» или мифологического «обобщения».

Рассмотрим эпизод, являющийся частью сюжета «Кодзики», который обычно у фольклористов называется «куни-юдзури», миф «об уступке страны», — рассказ о том, как бог Оокунинуси все приготовил для того, чтобы передать страну «потомку неба», первоначально японских императоров, а сам возвел для себя жилище в стране Идзумо:

«Так сказал Оокунинуси и на побережье Тагиси в стране Идзумо, небесные священные покои построил, и внук бога Пролитов, Кусятаманоками — Бог Восьми Чудесных Жемчужин, [у него] стольником стал,

и когда небесные священные яства подносил, произносил благословение. [Этот] бог Кусиятама-но ками в Баклана превратился, на дно моря нырнул, глину со дна в клюве принес, и восемьдесят небесных плоских сосудов изготовил, стебли водорослей срезал и ступку для добывания огня сделал, стебли саргассы срезал и пестик для добывания огня сделал, огонь высек и сказал:

Огонь, что я добыл, / Подымайся ввысь, / Так, чтобы / На равнине
Высокого Неба, / В небесных покоях блистающих / Богини-матери
Камимусуби-но микото / На восемь пястей вниз / Сажа повисла, / А под
землей / Скалы-корни / Обожженные затвердели. / Рыбаки, что ловят
рыбу, / Канаты из волокон таку / Растянули на тысячу хиро / И тянут
к себе, поднимают, / Шурша-шурша, / Судака со ртом широко развер-
стым, / С плавниками широкими. / Небесные яства из рыб, — / Столь-
ко, что прогнутся подносы бамбуковые, / [Тебе] поднесу. — / Так
сказал».

(Пер. Е. М. Пинус)

Этот эпизод с бакланом в «Кодзики», как нам представляется, нередко толкуется более широко, чем позволяет текст. Исследователи исходят не только из записи мифа в «Кодзики», но и из уже известного, давно сложившегося в культуре представления о баклане и его роли. В основном имеющиеся точки зрения можно разделить на несколько направлений анализа: 1) линия божества Кусиятама-но ками, 2) линия баклана как прирученной птицы, используемой для особой техники рыбной ловли, то есть для добывания еды, и 3) линия баклана как мифической птицы. Похоже, что в большинстве толкований эти отдельные, сконтаминированные в единый сюжет линии не различаются, между тем отдельный их анализ мог бы пролить свет на происхождение мотивов, составляющих этот многослойный сюжет «Кодзики».

Непредвзятое прочтение эпизода показывает, что пункт второй — то есть использование баклана для рыбной ловли — в тексте «Кодзики» отсутствует. По нашим наблюдениям, все, что связано с бакланом в сфере мифа, ритуала, сказочного фольклора, и вообще не содержит упоминаний о рыбной ловле, зато в сфере литературы — в песнях «Манъё:сю:», в драме театра Но «У-кай» («Рыбная ловля с бакланом»), в «Гэндзи-моноготари» — баклан предстает именно и только как птица, добывающая для людей рыбу, с соответствующей символикой и эмблематикой. Поэтому для анализа этого мифологического сюжета стоит, как нам кажется, попытаться разделить эти линии — отделить мотив баклана в японской культурно-хозяйственной традиции и мотив баклана как мифической птицы, ныряющей

за землей, которая, собственно, и является персонажем данного эпизода «Кодзики».

Сравним этот мотив ныряющего баклана с хорошо изученным на данный момент и весьма распространенным мотивом «ныряльщика» в мифах других народов мира.

«Ныряльщик» — это, как правило, водоплавающая птица или животное, часто лягушка или черепаха, которые ныряют на дно и приносят оттуда немного земли (глины, ила), из которых затем творится или вырастает земная твердь или плодородная почва. Нередко, как и в «Кодзики», при этом действует не птица как таковая, а божество, превратившееся для этой цели в птицу.

Сошлемся прежде всего на известный труд Ю. Е. Березкина, который проследил и систематизировал информацию о распространении этого мотива по всему миру. Как пишет этот исследователь, данный сюжет весьма распространен в Азии, Европе, в том числе в России, и Северной Америке, причем в центральной Азии этот мотив существовал уже во время верхнего палеолита. (В Африке, Австралии, Океании и на большей части Южной Америки сюжет не отмечен). Кстати сказать, с точки зрения Ю. Е. Березкина, высока вероятность того, что многочисленные евразийские и североамериканские версии этого сюжета генетически связаны — то есть принесены переселенцами из Восточной Азии в Северную Америку.

По мнению исследователя, мотив ныряльщика за землей был первоначально распространен где-то в пределах Индии — Тибета — западных районов Китая. В соответствующих мифах ныряльщиком мыслилась черепаха, по мере распространения этого мифа в Северной Евразии образ черепахи был вытеснен образом водоплавающей птицы. Ранние мигранты в Америку принесли с собой сперва южно-центральноазиатскую (с черепахой), а затем и сибирскую (с птицей) версии.

Разумеется, в каждом ареале распространения этого мотива разновидность птицы-ныряльщика была иной, выбор менялся в зависимости от географических, климатических, биологических и других факторов. Например, по данным Ю. Е. Березкина, в Поволжье и Зауралье функцию ныряльщика за землей часто выполняла утка, — у таких народов, как коми, мари, мордва, чуваша, татары, башкиры. В Южной Сибири, в Бурятии и Монголии это утка и лебедь, в Западной Сибири — у ненцев, манси, кетов, селькупов — гагара, у нанайцев Южного Сахалина — нырки и лебеди, у юкагиров — гагара и нырок. Всего в Восточной Сибири ныряние за землей водоплавающей

птицы выступает как космологический мотив у более чем двадцати разных народностей¹.

Другой исследователь этого мотива, В. В. Напольских предполагает, что в Северной Евразии уже в глубокой древности получили распространение варианты мифа о нырянии за землей именно с птицами в основной роли. При этом распространенный сюжет содержал соперничество двух птиц, первой не удавалось осуществить задачу, а вторая успешно ныряла, добывала землю и приносила ее в клюве. Во многих местах это соперничество имело вид противостояния птиц типа гагары, нырявшей первой и неуспешно, и утки, которой удавалось добыть землю².

Перейдем теперь непосредственно к мотиву ныряльщика в японской мифологии. На первый взгляд кажется, что космогоническое значение баклана в сюжете «Кодзики» ослаблено или и вовсе отсутствует, однако мы попробуем показать, что и в этом сжатом, сокращенном виде сюжет «Кодзики» содержит важные и разнообразные космогонические смыслы.

Само по себе превращение божества в птицу и отождествление с ней — весьма распространенное явление, имеющее множество форм, начиная от египетского Гора и кончая костюмами сибирских шаманов, состоящих из птичьего оперения. В японской мифологии и фольклоре, в частности, в «Кодзики» и «Нихон сёки» птица как мифологическое существо представлена в самых разнообразных ролях и значениях. Напомним основные — например, миф о гигантском Вороне Ятагарасу — видимо, родственнике Солнечного Ворона Северо-Восточной Азии и североамериканских индейцев, птичий облик Сукуна-Бикона и др. Отражение птичьего кода уже в квазиисторическом мышлении можно, например, наблюдать в разделе императора Нинтоку в «Нихон сёки»: во время родов супруги императора в комнату родильницы влетает филин, а в комнату жены его министра перепел, и родившимся детям дают имена этих птиц, поменяв их между собой. Далее в этом эпизоде фигурирует еще и брат императора Ястреб.

¹ Березкин Ю. Е. Мир черепахи: от детских рассказов до космогоний. В связи с оберегом из североамериканской коллекции МАЭ // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin7.htm>

² Напольских В. В. Миф о нырянии за землей (A812) в Северной Евразии и Северной Америке // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. <http://www.ruthenia.ru/folklore/napolskih3.pdf>

Баклан-ныряльщик в мифологическом мире японцев имеет черты, характерные для всего круга мировых сюжетов о ныряльщике, но у него есть и свои отличия. Напомним, что в сюжете о ныряльщике, распространенном в Восточной Сибири и Приморье, участвуют две птицы, одна из которых терпит поражение, а второй удается добыть землю. В японском варианте отсутствует мотив соперничества, ныряющая птица — баклан — всего одна. Однако в связи с этим примечателен следующий факт: в японском сказочном фольклоре сюжетов, где фигурировал бы баклан, ничтожно мало, наверно, и пяти не наберется. Тем более значимой кажется известная и поныне сказка, записанная на островах архипелага Косикидзима, о состязании двух бакланов. Они затевают спор — кто из них, нырнув, продержится дольше, и решают плыть в сторону Китая — кто первый голову из воды высунет, тот и проиграл. Вот плывут они — день, другой, третий, четвертый... «И вот когда кто-то из них голову высунет, тогда и сказка дальше будет сказываться», — говорит сказитель нетерпеливым детям, желающим узнать продолжение.

Такие сказки у В. Я. Проппа называются бесконечными, или докучными, по-японски они — *хатэнасибанаси* (бесконечные сказки), *нэмутайбанаси* (сонные сказки), *нагай ханаси* (долгие сказки). Но нам здесь может быть интересен именно факт состязания двух птиц — как возможный отзвук состязания двух птиц-ныряльщиков в преданиях Восточной Азии.

Эта птица, видимо, издавна наделялась магическими свойствами: недаром в захоронениях в разных местах Японии найдены шесть глиняных фигурок ханива с изображениями баклана, в префектуре Гифу изображение охотящегося баклана встречается в виде орнамента на сосудах. Особенно, на наш взгляд, примечательна находка, сделанная лет 50 назад на побережье Японского моря в Доигахама (преф. Ямагути), когда было найдено около 300 человеческих скелетов времен Яёи, среди которых был скелет женщины, предположительно, шаманки, держащей в руках скелет баклана (рис. 1, 2).

Не случайно в святилище Кэта-дзиндзя (рис. 3) и поныне проводится ритуал У-но мацури («Праздник баклана»), главным действующим лицом которого является баклан (этот ритуал объявлен Национальным сокровищем, его древность подтверждал еще основатель японской этнографии Янагита Кунио). Как пишет Огихара Хидэсабуро, в деревне Кадосима, у бухты У-но ура, Бухты бакланов в городе Нанао трое выбранных на данный год жителя деревни ловят баклана. Все они — выходцы из рода *уторибэ* — ловцов бакланов.

Рис. 1. Ханива —
восстановленная фигура
баклана

Рис. 2. Скелет женщины
с бакланом в руках из раскопок в Доигахама
(преф. Ямагути)

Считается, что в зависимости от того, попался ли черный или белый баклан, можно судить — будет ли в будущем много дождей (черный) или много снега (белый). Поймав птицу, уторибэ сажают ее в корзину и несут на спине 40 км до святилища Кэта-тайся. В ночь ритуала сначала выполняется ритуальное музыкальное представление *мэдзамэ-кагура*, после чего начинается торжественная передача птицы от уторибэ к распорядителю церемонии, во время которой происходит вопросно-ответный диалог. Баклана выпускают «перед богами», то есть в основном павильоне храма, перед священным зеркалом. Кстати говоря, считается, что в этот момент по движениям птицы можно судить, насколько благоприятно будет складываться будущее (см. цв. вкл., ил. 1). Затем служитель святилища берет баклана и выносит его на морской берег, где и отпускает на волю. Обрато в святилище служитель должен возвращаться не оглядываясь³.

В историческом обзоре синтоистских святилищ города Хакуи, где находится святилище Кэта-тайся, приводится этот ритуальный вопросно-ответный диалог между служащим святилища, распорядителем

³ *Огихара Хидэсабуру*. Нихон дайхякка дзэнсё. Полное собрание японской энциклопедии. Сё:гаккан, CD-ROM, 1999.

Рис. 3. Святилище Кэта-тайся (п-ов Ното, преф. Исикава)

церемонии «Праздник баклана» и представителем рода Уторибэ, «ловцов бакланов». Вот этот диалог:

- Уторибэ, уторибэ!
- Здесь!
- Приказано спросить тебя: этот баклан — дикая птица?
- Именно так!
- Приказано тебе хорошенько посмотреть — не помяты ли крылья, не повреждены ли лапы?
- Этот баклан — дикая птица, и он непокорен (яп. *кэгэсику со:ро:*)
- Приказано — поднести его богам!⁴

Подчеркнем примечательный факт: хозяйственная функция специально обученного баклана — участие в рыбной ловле — в ритуальном диалоге и в самом сценарии ритуала не отражена ни в каком виде, так же, впрочем, как и в сюжете «Кодзики». В диалоге наоборот, непременным условием выступает неприрученность, дикость

⁴ *Огура Манабу*. Мацури то миндзоку. (Обряды и народные обычаи). Токио: Ивасаки бидзюуся, 1984. С. 259.

баклана. Кроме того, и вне праздника баклана величают не просто «у», а «о-у», выражая тем самым почтительность. Как указывают японские этнографы, в ритуале эта птица сама считается богом, кроме того, как сказано выше, по ее движениям перед алтарем божества храма гадают о будущем⁵, и т. п.

Гадание с бакланом, видимо, представляет собой уже устоявшуюся технику: известно предание о том, как во времена позднего средневековья князь Като Киёмаса хотел возвести плотину, но всякий раз терпел неудачу, поскольку не мог выбрать для нее правильного места. Произведя гадание с помощью баклана и получив от него указания, князь возводит плотину У-но сэ цуцуми, Плотину «Стремнина Баклана», которая дает наконец окрестностям воду для повседневных нужд и для орошения.

В архивных документах святилища Кэта-дзиндзя сохранилась интересная запись, относящаяся, по-видимому, к периоду позднего Эдо. Это легенда о том, как однажды, во времена императора Мураками (946–967), 270 дней шел сильнейший дождь и наступил потоп. Император опечалился, провел буддийский молебен в павильоне Сэйрё:дэн, но дождь все не проходил. Тогда он приказал в 16 больших синтоистских святилищах страны закрыть все ворота, запереть и запечатать главные павильоны святилищ, и тогда дождь прекратился. Император возрадовался и вознес хвалу богам. Он послал в эти святилища гонцов, а в храм Кэта-тайся был послан Абэ-но Садатоу (здесь, видимо, анахронизм, потому что известный в истории самурай Абэ-но Садатоу жил лет на сто позже). Садатоу открыл ворота храма, снял печать с дверей основного павильона и исполнил перед богами святилища Мандзайраку представление в жанре торжественной музыки гагаку. Затем, в соответствии с приказом императора, он остался присутствовать на Празднике баклана, У-но мацури. И тут божество святилища превратилось в деву *ама* (из племени *ама* — ныряльщиков за рыбой и водорослями), направилось к посланцу императора, произнесло какие-то чудесные слова и вошло в павильон святилища. Вдруг, откуда ни возьмись, появились боги из Драгоценного Павильона Восьми богов, раздалась музыка на духовых и струнных инструментах. И тут слетел с неба баклан, направился к Светлому Зерцалу перед божеством и, сложив оба крыла, выразил свою покорность божеству и преклонение перед ним. Служитель кумирни при святилище взял баклана, отнес его на берег моря и

⁵ *Огура Манабу*. У-мацури ко: (Исследования ритуала баклана). «Кано: миндзоку», Кано миндзоку хэнсан иинкай, 1951. С. 104.

выпустил. И сразу божества пропали из виду, и музыка смолкла. А гонец вернулся в столицу и доложил императору об этом удивительном происшествии⁶.

Мы не имеем в виду с помощью этих примеров доказывать, что в памяти культуры вплоть до периода Эдо сохранялся образ баклана как птицы, связанной с высшими божествами пантеона и представлениями о сотворении мира, однако этот ритуал в Кэта-тайся может, на наш взгляд, свидетельствовать об особой мифологической функции баклана, осознаваемой и помимо его непосредственной функции — «подателя еды».

Еще одно из магических свойств этой птицы — способствовать благополучному разрешению от бремени. Эта функция закрепилась за бакланом еще в «Кодзики»: «Тогда, тут же, на морском берегу, у кромки волн дом для родов построили — кровлю перьями бакланов настелили. Тут — [кровлю] того дома для родов еще до конца не застелили, а [Тоётама-химэ-но микото, дочь морского царя], не сняв нужды своего чрева, вошла в дом для родов».

Отголосок этого мотива можно встретить в гораздо более поздние времена: перья баклана долгое время считались амулетом для роженицы. Интересный пример также содержится в «Гаун никкэн-року» («Поденные записи, сделанные [вельможей] из рода Гаун» (период Камакура, 1444 г.), где пересказывается история Кагуя-химэ, чудесной девочки-найденыша, только ее находят не в бамбуке, как в оригинальной повести хэйанских времен «Такэтори-моногатари», а в гнезде баклана.

Вполне возможно, что баклан издавна считается священной птицей еще и потому, что из всего животного мира, включая птиц, именно водоплавающие птицы оказываются наделены самыми большими возможностями по овладению пространством, поскольку они способны ходить по суше, летать в небе, нырять на дно моря и плавать по поверхности воды, отсюда и их высокая мифологическая значимость. Как мы попробуем показать, баклан в представлениях японцев имеет власть и над еще одним видом пространства, не столь естественной средой обитания для птиц как таковых.

В легендах ему приписывается чудесная способность преодолевать огромные расстояния сквозь землю и горы, при этом не по воздуху, а под землей. Связь баклана не только с водой, рекой и морем и не только с воздухом и небом, но и с землей, и с подземным

⁶ Кэта дзиндзя бунсё. (Архив святилища Кэта-дзиндзя). Т. 1. Токио: Хэйбунся, 1974. С. 118–119.

миром выражена, например, в легенде, записанной на землях семьи Ямагути, в Миката, Хиками-тё, в Тамба. Однажды в их деревню пришел Кобо-дайси и попросил воды, но крестьяне обманули его, сказав, что воды у них нет. Тогда он сказал им: «Что ж, пусть и на самом деле воды у вас не будет» — ударил палкой и образовалась щель, в которую утекла вся вода. Крестьяне запустили в эту щель баклана, и он пролетел сквозь горы и землю и вылетел в Бансю, в Харима, то есть преодолел под землей наискосок всю длину префектуры Хё:го. До сих пор в Хиками-тё на окраине селения есть расщелина в земле, которая считается той самой щелью, через которую баклан влетел под землю тысячу с лишним лет назад (см. цв. вкл., ил. 2).

Та же самая способность — проходить сквозь землю и приносить воду — приписывается баклану и в знаменитом новогоднем ритуале О-мидзутори («Первое черпание воды») в То:дайдзи: согласно легенде, однажды все божества были призваны в храм То:дайдзи на молебен о процветании государства (Сюниэ), и все явились, только бог Оню:даймё:дзин увлекся рыбной ловлей и опоздал. Для искупления своей вины он сделал так, чтобы каждый год из-под павильона Нигэцу-до:, где происходит ритуал, то есть прямо из-под земли, вылетали два баклана, черный и белый. (Отметим, кстати, что здесь птиц тоже две). Черный и белый цвета бакланов, видимо, означают долгое по протяженности время, когда эта вода будет оставаться новой и неиссякающей, поскольку, скорее всего, сочетание черного и белого означает день и ночь, то есть полный суточный цикл. Там, где бакланы вылетают из земли, образуется источник Вакаса-и, и вслед за этим начинает бить вода новой весны (в действительности в ритуале бакланов приносят в корзине, но сути дела это нисколько не меняет).

Как сказано в этой легенде, эти два баклана нырнули в воду в глубоком месте среднего течения реки Оню:гава (нынешняя префектура Фукуи), где ритуал «молодой воды» проводится на 10 дней раньше, чем О-мидзу-тори в Нара. Предполагается, что оттуда, из Фукуи, они проходят под землей примерно 90 км и вылетают наружу в префектуре Нара, у храма Тодайдзи. Таким образом, баклан действует еще и как повелитель стихии земли.

Итак, баклан как магическая птица (Великая птица, как это называется в фольклористике), связующая разные пространственные миры — небо, море, морское дно, реку, землю и подземелье, — имела, соответственно, и самые разнообразные магические свойства.

Рассмотрим ряд этих свойств на следующих звеньях сюжета о баклане в «Кодзики» и начнем с мотива обработки глины.

Нырнув, баклан приносит глину со дна моря, однако ему уже не надо творить сушу — мир, согласно композиции «Кодзики», к этому времени уже полностью сотворен, и задача его сотворения в памятник была возложена на других персонажей и отдана другим сюжетным линиям. Соответственно, в данном сюжете глина используется не для формирования земли в океане, а для другой цели — баклан делает из нее керамические блюда счетом восемьдесят — то есть благое бесчисленное множество. При этом для изготовления блюд баклан добывает огонь, сделав для этого ступку и пестик — то есть речь идет о добычании огня трением.

До этого сюжета первое упоминание огня в мифологических сводах представлено повествованием о том, как Идзанами рождает божество огня, при этом погибает и попадает в страну Мрака (это история о первой смерти, видимо, сконтаминированная с распространенным представлением о том, что огнем владеет женщина). В сюжете с бакланом огонь не рождается, а добывается трением, то есть это первый и единственный в «Кодзики» рассказ о добычании, а не рождении огня (хотя здесь нельзя исключить и символику ступки и песта как детородных органов).

В мифах разных народов часто описывается употребление огня — сразу вслед за его обретением — именно для обжига и изготовления керамики, а не для приготовления пищи или обогрева тела в холодное время или чего-нибудь еще. Огонь, добытый существом, связанным с водой, — также распространенный мотив в разных мифологиях. Об этом мотиве, называя его «морским огнем», пишет, в частности, Обаяси Тарё. Он приводит примеры связи между стихией моря и рождением огня на Окинаве, на островах Рюкю, в области Идзумо, а также у племен Тайваня, Микронезии, на Сулавеси. По мнению Обаяси, этот мотив мог распространиться в Океанию из Юго-Восточной Азии⁷.

Связь птицы и огня — тоже универсальный мифологический мотив, здесь можно вспомнить разнообразных фениксов, жар-птиц и прочих огненных птиц, или, например, тот факт, что в индуизме Агни, воплощение огня, брат Индры, передвигался на орле и сам часто принимал вид птицы. Примеров добычания огня птицами немало, мифологический сюжет, где чудесное средство (огонь, свет,

⁷ Обаяси Тарё. Нихон синва-но хикаку миндзокугакутэки ко:сацу. Хи-но кигэн-но синва-о тю:син то ситэ // Нихон синва. Токио: Ю:сэйдо:, 1971. С. 27.

солнце и т. п.) добывает сама птица — орел или ворон, выступая в этом случае как demiurge или культурный герой, а также как первопредок, распространен среди многих народов Северо-Восточной Азии, а также и у американских индейцев. Вот другие примеры: среди жителей Горной Шории есть рассказ о журавле, похищающем уголек из очага у творца мира Ульгения, и предание об орлице, которая когтями отламывает камешек от скалы, камешек падет и высекает огонь из скалы. В преданиях хакасов ласточка украла огниво и трут у владетеля подземного царства — поскольку огонь находился именно там. Вообще среди разных народностей Северо-Восточной Азии и у американских индейцев нередко встречаются сюжеты, где огонь добывает орел или ворон, выступая при этом в роли первопредка или культурного героя.

Если говорить о способе добывания огня трением, то и здесь фиксируются ассоциации с птицей — так, в Китае есть предание об огненном дереве, которое долбит птица и из него исходит огонь, эту технику добывания огня трением перенимает культурный герой Суй Жэнь, который начинает тереть веткой о дерево («Ши и цзи» («Записи о забытых событиях») Ван Цзя (IV в.)). Культурный герой Полинезии Мауи заставил птицу — первоначальную хранительницу огня — показать ему, как его добывать: тереть сухой веткой о сухую доску.

Известно, что появление огня знаменует завершение космогонического процесса. С этой точки зрения показательны, что баклан не просто добывает глину, а изготавливает керамические сосуды, для чего помимо глины (земли) и воды ему нужен огонь, который он же сам и производит. Разумеется, сосуды — это вместилище подношений и жертвоприношений, в этом качестве они фигурируют затем в большинстве раннесредневековых норито⁸. Вероятно, именно с этой целью мотив баклана был сконтаминирован с сюжетом стольника Кусиятама-но ками, готовящего еду в качестве жертвоприношений. Миф о сотворении природы, таким образом, переходит на уровень мифа о строительстве культуры.

В то же время, рассматривая этот сюжет «Кодзики» с точки зрения его отношения к сфере космогонии, скажем, что сами по себе сосуды обычно принято интерпретировать как общий результат космогонических процессов, кстати говоря, они символизируют универсальную

⁸ Норито. Сэммё / Пер., иссл. и комм. Л. М. Ермаковой. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. (Памятники письменности Востока. ХСVII). С. 91, 95, 101 и др.

трехуровневую структуру мироздания. При этом самая нижняя часть сосуда обозначает нижний мир или мировые воды, на этой части совсем нет или очень мало росписей, затем следует срединная часть, с орнаментом, часто растительной символики — позже там располагают людей, животных, растения; самая верхняя часть, у горлышка, воспроизводит верхний небесный мир. Именно такая трехчастная структура отражена в песне, которая исполняется в сюжете «Кодзики» о баклане: здесь огонь поднимается к Равнине Высокого Неба, в подземном мире находятся «затвердевшие скалы-корни», а между ними — рыбаки с канатами, которые тащат рыбу — то есть люди, расположенные в Срединном мире.

Представляется также важным то обстоятельство, что в вышецитированной песне «Кодзики» люди тащат рыбу, которая подносится в виде приношения, однако как раз в этом процессе баклан — как птица, используемая для ловли рыбы — не принимает никакого участия. Его функции, в сущности, здесь совершенно иные — это 1) функция демиурга, добывающего землю, 2) функция божества-птицы, добывающей огонь, 3) культурного героя, изобретающего обжиг и изготавливающего сосуда, чем он и завершает процесс творения.

Другими словами, в этом сюжете воспроизводится основной цикл сотворения мира с его главными космогоническими стадиями — добывание земли, получение огня трением, осуществление обжига и изготовление керамической посуды для жертвоприношений.

Liudmila Ermakova

THE DIVER'S MOTIF IN THE JAPANESE MYTHOLOGY

The aim of the paper is to reinterpret a mythological episode in “Kojiki” centered on the god Kushiyatama-no kami, who turns into a cormorant and acts as such in “The Era of Gods”. We suggest that this episode is repeating, in a hidden form, the motif of the so-called “Earth-Diver”, one of the world-creation myths that is found in many mythologies of Eurasia and North America. We show that Kushiyatama’s story contains traces of the main stages of cosmogony, which can be seen more clearly and in full in other mythological complexes. Also, the paper offers an analysis of the role played by the cormorant as a mythical bird in the ancient Japanese culture.